

Мы подъезжали к конечной железнодорожной станции «Сучан».

«Находка»

В Находке наш конечный пункт сухопутного путешествия, строгого и не совсем внимательного к нашему кормлению и устройству нашего быта. Итог нашего этапа — 38 суток пути с остановками и пересадками. Сделано за время следования 10073 километра. Пересадки были в Свердловске, Хабаровске, Владивостоке. Сегодня 21 июня 1941 года, а из Москвы мы выехали 14 мая. Сколько мы, «туристская» группа, потеряли в весе — по себе знаю — не менее двух килограмм.

Находка — новый порт СССР, к нашему путешествию он был плохо благоустроен. Построен он у залива, странного наименования — «Америка Японского моря».

Теперь наша «туристская» группа, около 50 человек, под надёжной охраной 10 солдат, плюс две собаки, плюс один младший командир. Они всегда бдительны, винтовки их заряжены и находятся наготове, готовы открыть огонь, о чём нам всегда напоминают — шаг вправо, шаг влево — стреляем! Говорят, Находка — город, но города или посёлка мы не видели, а большой лагерь заметили — с многими вышками вдоль забора. Говорят, охрана лагеря составляет два полка и вооружена, кроме винтовок и пулемётов, ещё и артиллерией, только какого калибра — не установлено.

Люди, с которыми я ехал около месяца, прибыли сюда на двое суток ранее.

Километра за два до лагеря я услышал какой-то специфический шум и не понимал, что это: шум морского прибоя или шум

¹ Продолжение воспоминаний Якова Матвеевича Терентьева. Начало см. Журнал «На русских просторах» №№ 4 (39) за 2019 г., 1 (40), 2 (41), 3 (42), 4 (43) за 2020 г., № 1 (44), № 2 (45) за 2021 год. Публикатор Вячеслав Зайцев.

крупного предприятия, но что-то этот шум напоминал. С приближением шум увеличился. Я думал, думал и припомнил — это шум многотысячной сельской ярмарки. Поутру на такой ярмарке продавцы кричали: продам дёготь!, другой кричал — лопаты! и так далее. А в стороне кричат у карусели. Сейчас вечер, вероятно, часов 5 вечера. Сзади идущий заключённый, видимо, украинец, говорит:

— Как кричат в этом здании — как сотни свиней, которых зарезают.

Мне мешает двигаться мой дорогой чемодан, если бы идти ещё 10 километров, не вытерпел и бросил бы его. Но вот мы вблизи лагеря, нам командуют — налево. Вот мы в стороне от дороги, и наш начальник командует: «Стой! Ложись!». Наша охрана занимает соответствующую позицию.

Бывалый блатной говорит, что лагерь «богатый», в нём около десяти секторов, в каждом несколько тысяч. «Строптивых» заключённых держат в особых лагерях, там имеются соответствующие карцеры, и особо активных сажают в такие карцеры и есть не дают: «Они люди грамотные и знают, как содержать рабов».

Мы сидим час, а то и более, наконец, появляется наш командир и человека три сопровождающих. Они отбирают примерно половину нашей этапной группы. Их уводят, а мы продолжаем сидеть. А желудок не понимает, требует что-нибудь в него подбросить, а нам дали поесть только рано во Владивостоке.

Сколько это удовольствие всё стоит государству? Прикидываю — от нечего делать. Я инженер, на производстве такая их нехватка. Инженер я не новичок, а квалифицированный, плюс к этому — старый коммунист. Около трёх лет ждал, пока повезут на эту прогулку, правда, неизвестно, когда и где она окончится...

Проходит ещё около часа. Наконец, приходят уже человек пять, ведут нас к зоне, тут какое-то помещение, вызывают по одному и начинается обыск с раздеванием. Да, нас не обыскивали с Москвы. Ищут всё, неположенное для заключённых. Опрашивают, обыскивают, грубят, а люди идут голодные.

Обыск для преступников, конечно, нужен, хотя преступники проносят в лагерь всё, что угодно. А мы — политические — страдаем: ни листа бумаги, ни иголки, ни бритвы, лишают самого элементарного. Потом меня обыск морально расстраивал, и я их органически ненавижу.

Наконец, нас впускают в зону. Ужин, конечно, прошёл, правда, у меня есть сухари, сахар. Я бережливо их храню и пользуюсь

понемногу. Я достал кружку кипятку, кусок сахара и как-то поел. Большинство прибывших остались голодными. Правда, «аристократия» уголовников никогда не оставалась голодной, там организована взаимопомощь, но...

Нас, «новеньких», окружают, расспрашивают новости и делятся ими с нами. Сказали: вам, как и нам, посчастливилось попасть в спокойную зону, тут большинство — политические, много военных, важная новость — завтра большой этап на Чукотку, будет погрузка на морское судно.

Каждый день здесь, за час-два до сна, проводят проверку. Всех выстраивают по четыре поротно (рота — 100 человек) и проверяют. Допустим, в нашей сотне все, но нас не отпускают, пока не проверят состав заключённых всей зоны. Бывает и так: одного нет, и все стоят и час, и два, пока не установят истину их учёта.

Проверка окончена. Вновь прибывшие идут спать, я тоже, хотя тут имеются военные, с которыми нужно бы поговорить. Пошли спать, потому что за день, а день большой, всех тянет отдохнуть.

Исторический день — 22 июня 1941 года — начало войны

Ночь спалось тревожно, хотя в бараке было спокойно. Проснулся на другое утро — видимо, не было шести часов. Я встал, оделся, вышел, сделал гимнастику — начал с ходьбы. Заключённые ещё спали или лежали. Подъём в семь часов.

В зону вошёл человек, он куда-то спешил, но увидел, что я марширую и что я военный. Он остановился. Я ожидал выговор за раннюю маршировку, а он спросил: я вижу, вы военный, какое звание, — я говорю дивинженер. И он сказал, что по радио сообщили о вероломном нападении Германии, которая нарушила имеющийся у нас договор, и этой ночью её войска перешли границу, фашистская авиация бомбит ряд городов. Началась война Германии с СССР. Повернулся мой информатор и, спеша, пошёл от меня.

Я остолбенел от этого сообщения. Вспомнил разговор с Дементьевым (или Шереметьевым?) в Хабаровске.

В голове стучало: фашистская авиация бомбит города СССР. Фашисты переступили наши границы. Конечно, наши войска этого не ожидали. Лучшие полководцы расстреляны. Мы — многие из высшего и старшего комсостава — здесь под семью замками.

Я сейчас же вернулся к своим, но тут я военных ещё не знал, а мне нужно было посоветоваться с ними. Кое-кого я информировал, что началась война с Германией. Одновременно мне нужна была бумага — написать рапорт Наркому К.Е. Ворошилову и на-

чальнику лагеря. Долго искал бумагу и, наконец, за чистую, почти новую пару белья, у одного урки получил два листа бумаги и огрызок химического карандаша.

Я написал Наркому обороны СССР Ворошилову К.Е.:

«В связи с вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз и в связи с тем, что осуждён Особым Совецанием НКВД на срок 5 лет и из них отбыл почти три года, прошу меня отправить на фронт, хотя бы рядовым. Моё местонахождение лагерь Находка Приморского края. Участник Первой империалистической войны, Гражданской войны, коммунист с 1919 года, Дивинженер Я.М. Терентьев».

Второе заявление написал начальнику лагеря заключённых «Находка»: «Сообщая о заявлении на имя Наркома Маршала К.Е. Ворошилова, прошу отправить его по назначению и сообщить местному военному комиссариату о моём желании направить меня на фронт, хотя бы рядовым».

Я долгое время добивался, чтобы меня принял начальник лагеря, однако во второй половине дня меня принял капитан, который назвался начальником зоны. Я вручил ему рапорт на имя Ворошилова и начальнику лагеря. Он выслушал мои просьбы, но никаких мер, как я видел, администрация лагеря не принимала.

Около 3 часов объявили нам — быть готовыми к посадке на морской корабль «Сахалин». Около двадцати часов началась посадка, кажется, последней нашей зоны лагеря. А через два часа «Сахалин» отвалил от причала порта и взял курс на Чукотку.

Нас везут на Чукотку

Зеленков, увидевший меня впервые в Московской этапной тюрьме, как старому приятелю сообщил, что нас везут на Чукотку, я спросил, что это объявила администрация лагеря? Нет, — говорит Зеленков, — но по всем приметам мы в списке этого этапа.

Наш этап около двух тысяч человек. С нами едет более двухсот человек охраны. Что мы едем на Чукотку, администрация держит в секрете. На том же корабле «Сахалин» везут для нас и охраны одежду, продовольствие, питьевую воду, горную технику, автомашины, трактора, каменный уголь, медикаменты, в общем, всего понемногу.

Вспоминаю день посадки на корабль. То, что нас повезут на Чукотку, у администрации лагеря секрет. Но об этом секрете уже неделю знают в камерах и Хабаровска, и Владивостока. Кто-то сообщил, что на полубаке, т. е. в носовой части корабля, куда можно

спрятать большое четырёхэтажное здание, построены временные четырёхэтажные нары для заключённых.

Посадку заключённых начали в два часа. Тут же обмениваемся мнениями о начавшейся войне. Все говорят — враг сильный, коварный, беспощадный. Будет тяжело, очень тяжело. Я рассказал о мытарствах с подачей рапорта Ворошилову о направлении на фронт.

Значит на Чукотку... Как мало мы, заключённые, знаем о ней. Я никогда ничего о ней не читал. Знаем, что почти весь год зима. Перед посадкой на корабль нас накормили обедом. Обед арестантский — это кусок хлеба, хлеб — какие-то помои, пахнут то ли подгорелым, то ли ещё чем, и каша гречневая сухая. Но надо есть и быть готовым к новым испытаниям. После обеда нас построили с вещами. Опять проверка и под охраной большого количества красноармейцев с собаками — таков наш «почётный эскорт», ведут на берег залива.

Видим впервые наше судно «Сахалин», у которого от большой тяжести почти незаметно качание на воде. Нас остановили неподалёку от другой колонны заключённых. Шла многочасовая погрузка заключённых. Мы замыкали посадочную колонну. Трюм в носовой части был заполнен. Нас поместили на вторую палубу, мне досталось место около иллюминатора.

По долгу службы я был на Балтийском и Чёрном море на кораблях военно-морского флота. А на Дальневосточном флоте я не был из-за дальности расстояния. С интересом буду поглядывать.

Закончилась погрузка грузов, заключённых и охраны. Видимо, осталось оформление документации. Говорили, что грузовое судно «Сахалин» приспособлено для ледяного плавания, длина корабля около 130 метров, ширина — 35. Скорость движения 10 узлов в час (около 15 км в час).

Наша группа размещена для длительного плавания ещё сносно, но, конечно, очень скученно. Трудно представить себе, как помещаются в большом трюме при отсутствии вентиляции — это прямо-таки убийство. При этом постоянное искусственное освещение в летнее время.

В судовом журнале будет записано: морское судно «Сахалин» направляется на Чукотку, обогнув мыс Поворотный, взял курс по направлению пролива Лаперуза 22 июня 1941 года, вечером. Уже день войны против СССР фашистской Германии.

Вглядываюсь в берег на мыс Поворотный: он высокий, крутой, всё в зелени. Весна на берегу в расцвете. На море темнеет. На берегу ещё долго и печально провожали наше судно.

Мысли и думы у меня невесёлые. Мысли на западной границе, какая там артиллерийская канонада, сколько горя, крови и слёз. Особенно страдает гражданское население, для которого война, как снег на голову. Наши войска, конечно, ещё не отобилизованы, не сформированы, не вооружены. Настоящая катастрофа!

Как моя дорогая жена, как бедные дети? В обстановке, когда отец объявлен врагом народа, ещё одно испытание — война!

Мысли возвращаются к нашему судну. Мы идём по Японскому морю. Как-то будет вести себя самурайская империалистическая Япония? Забегая вперёд, скажу, что позднее, в следующем году судно «Сахалин» с таким же грузом они пустили ко дну.

На море было пока спокойно.

«Вечно пляшут и поют...»

Наш корабль спешит к проливу Лаперуза со скоростью около 15 км в час, проявляя максимальную бдительность.

В наших трюмах жизнь вошла в свою колею. Одни говорят о Чукотке, другие внимательно прислушиваются к рассказам о ней. Вторые — это в основном военные, говорят о войне, и большинство с болью в сердце. Вспоминают о Гражданской войне и первой империалистической. Все соглашаются, что война будет тяжёлая и не допускают мысли о победе Германии. Слышен ропот, что мы были бы куда полезнее на поле боя, чем умирать на Чукотке. Третьи говорили, понуря головы, о своих семьях, что они пережили и что предстоит им ещё пережить в связи с начавшейся войной.

Я посматриваю в иллюминатор, я с детства люблю море, и оно меня успокаивает. Сейчас на сердце тревожно за Родину, за семью, за себя, и невольно как будто поёт моя душа:

Ветер на море зашумел,
Парус полный забелел,
Ну, прощай, ну, прощай, —
И как звали, поминай!

Нет-нет и прорываются крики, свист, блатные песни из большого трюма, где сосредоточено большинство, наверное, больше полутора тысяч заключённых, из них свыше восьмисот воров, бандитов и других отбросов, собранных из всех лагерей СССР. В трюме судна они чувствуют себя господами положения. Ни шум моря, ни шум судна не заглушают их криков. Особенно меня раздражают блатные песни, составленные на их жаргоне с пошлым

смыслом. Но, в конце концов, не столь меня беспокоит смысл этих песен, а что скрывается за этим общим шумом.

Смысл изречения — «вечно пляшут и поют» — это, говорят, под шум происходит трагедия с каким-то человеком, хотя он заключённый. Под песни, свист, втихомолку в каком-то уголке читается страшная расправа или над своим товарищем из банды воров, а может, и над нашим товарищем политическим, заподозренным в шпионаже против этой банды или что-то в этом роде.

Я благодарю судьбу, что попал на вторую палубу, изолированную от этих господ. О бытие заключённых мне рассказывали люди, бывшие в лагерях, соприкасавшиеся с уголовниками и заслуживающие доверия.

«Аристократия» воров и бандитов, особенно в условиях скудности массы заключённых, очень опасна. Они культивируют свои «законы» и «веру» блатного мира, они гордятся своим жаргоном, своим воровским бытом, своим судом. Их суд не имеет ничего общего с судом, скорее это самосуд. Самосуд их карает за измену их преступному быту. Самосуд жестокий — избиение считается первым предупреждением. Во многих случаях они убивают своего вчерашнего друга. Иногда спящему наносят до двадцати ножевых ран. Отрубают голову, вешают, превращают человека в калеку. Распространённый метод убивать — это из-за угла, в толпе, незаметно. Как правило, выполняют свой приговор через вторые и третьи руки. Свои расправы они чинят не только по отношению к своим вора, но над любимыми людьми, им мешающими.

В такой массе, в какой они сосредоточены в трюме, они измываются над многочисленной группой новичков, если они не выполняют их «указы» — указы «элиты» преступников. У этой «элиты» имеются многочисленные подручные группы молодых преступников, готовых выполнить любое приказание руководителей — старых воров. Вот они-то и являются «артистами», которые пляшут и поют.

Один из главных методов творить самосуд над любым человеком в тюрьме или лагере — это игра в карты. Сначала проигрывает деньги, потом свою одежду, бельё, а потом проигрывает человека — очередную намеченную жертву.

Уголовники, вору являются нашими врагами номер один, врагами и политических, и работяг. В лагере, в тюрьме на этапе мы находимся, как правило, под «надзором» воров. Они нас постоянно обворовывают, обворовывают наш труд. Мы работали на самом тяжёлом физическом труде, а уголовная «аристократия» ухитря-

ется играть в карты не только в лагере, но и в горных выработках, и за это они получают полный заработок. Это ещё и потому, что администрация лагерей только уголовников назначает счётчиками, бригадирами, нормировщиками и даже бухгалтерами для оформления документации. Бумага, как они говорили, «всё терпит». Я за восемь лет не видел заработанных денег. А вору их имели все.

При освобождении из-под стражи уголовник — вор и бандит — выходит большей частью в хорошем костюме и пальто, а мы выходили на свободу в тех же телогрейках, в которых ходили на работу. Вор выходит на свободу с деньгами, мы же не имели ни гроша.

Я уже вспоминал, что даже деньги, скопившиеся от передач и заработанные тяжким трудом моей жены, не были выданы ни мне, ни ей. Кто их украл? Неизвестно.

В общем, и мы, и работяги, если не умерли и вышли на свободу, то вышли без копейки денег.

Администрация лагеря в наше время опиралась на воров и бандитов. Однако администрация лагеря в Находке на вторую палубу, рядом с расположением охраны и команды, поместила нас — политических и работяг. Они знали, что мы не организуем восстания или какой-либо провокации, что можно было ожидать от воров и насильников.

Говоря о ворах, бандитах, нельзя всех их сравнивать с верхушкой крупных воров. В тюрьме самое большее — сотня «аристократов», остальные отданы им на откуп. Многим, а правильнее сказать — большинству, не нравится поведение командующих крупных воров. Это я видел и в поезде Свердловск — Хабаровск. В этом я убедился в лагере по их поведению и конфиденциальным беседам с заключёнными молодыми и старыми ворами.

Пролив Лаперуза и дальше

В этот исторический день — начала Отечественной войны — началось наше морское путешествие. Начало его — Японское море. Пока тут спокойно, на море штиль. Капитан корабля, как приговорённый к смерти, отдаёт последние команды, и наше судно «Сахалин» отходит от порта Находка. В порту много кораблей — здесь начинаются многие важные морские трассы: в Корею, в Японию, в Америку.

День был очень длинным. Начался он хорошо, и вдруг война, нападение фашистов. Попытка уйти на защиту Родины не удалась, увы! Войны для нас как будто нет.

Для нас не впервые — «шапками закидаем»! или «мы будем воевать на чужой территории, на чужой земле!» Какая слепота! Какая неоперативность!

Некоторое время мы видим, что за нами следует катер, видимо японский. Наше судно по традиции идёт под видом «купца», т. е. торгового, не обращая внимания на круговые маневры быстроходного японского катера.

На следующие дни мы шли параллельно Курильским островам. На Седьмой день появилась северная часть Курильских островов, и опять нас сопровождали японские катера.

На девятый день мы прибыли в порт и город Петропавловск-Камчатский, и в тот же день судно взяло курс к Чукотскому полуострову. Нас, военных, беспокоило, как ведут себя японцы и американцы. Мы были очень плохо информированы по международному положению, т. к. три года нам не давали газет. Мы всё время питались новостями, которые приходили с новыми заключёнными. Появлялись молодые, но политически безграмотные люди. Я собирался в Находке разыскать кого-либо из коммунистов и военных, но мне это не удалось. Мне на нашей палубе и в трюме не встретилось людей интересных. Правильнее сказать, люди были поглощены своим горем, войной. Война делала нашу дальнейшую жизнь бесперспективной. Мы понимали, что Чукотка станет для многих не только трудной, но и могилой.

На корабле нас кормили несколько лучше, чем в вагонах, но очень невкусно. За Командорскими островами мы дважды наблюдали вдали движение китов или кашалотов.

На семнадцатые сутки, пройдя около двух тысяч км от порта Петропавловска-Камчатского, обогнули мыс Наварин, подошли к порту Угольный, где начали в этом году добывать каменный уголь. Вот, наш «Сахалин» — один из первых потребителей этого угля. Грузили уголь целый день. Около порта посёлок назван именем Беринга: здесь Беринг популярен.

Через сутки мы были в (бухте) Провидения. Здесь что-то разгружали, что-то погружали. А через сутки пути встретились первые льдины. Как только судно обогнуло мыс Чукотский и повернуло в Берингов пролив, вы встретились с полем мелкого битого льда, он плыл нам навстречу и казался сплошным. «Сахалин» сбавил ход и шёл в пределах видимости берегов Чукотского полуострова. Кроме льда встретили нас низкие чёрные тучи. Чем дальше, тем меньше похоже на начало июля.

Обогнули мыс Уэлен, прошли Чукотское море, пролив Лонга. Далее, за мысом Шелагский, начинается самый большой залив, называемый Чаунская губа. Где-то здесь мы должны приземлиться. На судне мы уже 28 суток, 18 июля 1941 года прошли четыре моря: Японское, Охотское, Берингово, Чукотское и вступили в Восточно-Сибирское, сделав около шести тысяч километров.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ **3515 ДНЕЙ НА ЧУКОТКЕ**

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В стоне ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.

Цедербаум²

В Чаунской губе

Судно «Сахалин» бросило якорь на рейде Чаунской губы в шестидесяти километрах от мыса Шелагский. Нам, как и раньше, не сообщают, куда нас везут, но сведущие заключённые утверждают, что мы предназначены в порт Певек.

Певек должен быть на берегу. Но здесь нет никакого порта, а если всмотреться, то видна одна палатка и несколько яранг, круглых с шатровой крышей, кроме них два убогих дома, похожих на крестьянские дома без каких-либо пристроек. К ним присоединены две антенны. Издали казалось, что они расположены на самом берегу Чаунской губы.

Когда подошли поближе, стало видно, что низкий берег составлял около пяти квадратных километров, а далее идут высокие сопки, обрывистые, как бы окаймляющие море.

День выдался хороший, правда, солнце, как стыдливая девица, то выглянет из-за туч, то скроется, — а интересно, кто при-

² Цедербаум Юлий Осипович (Юлий Мартов) (24 ноября 1873, Константинополь — 4 апреля 1923 года, Шёмберг, Германия, похоронен в Берлине) — российский политический деятель, участник революционного движения, один из лидеров меньшевиков, публицист, один из основателей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1900 — член редакции «Искры», с 1903 — лидер меньшевиков. Автор этого стихотворения «Туруханский марш». Ссылка в Сибирь членов «Союза борьбы» относится к 1897–1900 гг. *Прим. ред.*

был в Чаунскую губу? Но всего удивительнее было то, что никто не вышел встречать судно, казалось, что в посёлке никого нет. До сих пор, где бы судно ни останавливалось, на берегу появлялись чукчи и русские. Сейчас стало видно, что яранги и дома довольно далеко разбросаны друг от друга и расположены довольно далеко от берега. Ещё удивительнее то, что, казалось, нас никто не собирается высаживать, на судне идёт обычная размеренная жизнь.

Часа через два с судна была спущена моторная лодка, на неё сели человек восемь или десять и отправились на берег. Они скрылись в одном из домов. День был длинный, по нашим расчётам был уже вечер, пора ужинать, а солнце едва снизилось над сопками. Я с интересом наблюдаю из иллюминатора. В открытый люк слышно, как кто-то доказывает кому-то, что это и есть Певек.

Нас кормят без всякой спешки ужином, значит, нас сегодня не будут снимать на берег.

Наша лодка вернулась на судно только с двумя людьми, остальные остались на берегу. Начинаем обсуждать обстановку. Предполагаем, что раз никаких помещений для нашего расположения нет и никакой жизни на берегу нет, вероятно, нас будут этапировать вглубь полуострова. Кто-то замечает, что на материке идёт война, и нас можно лучше использовать там. Но это маловероятно, с чем соглашается и высказавший такое предположение.

После ужина я возвращаюсь к иллюминатору и начинаю осматривать этот залив. Обращает на себя внимание так называемый Большой Роутан — остров Айон, который расположен так, что как бы прикрывает большой и высокий остров. Кажется, что до него 7–10 километров, а фактически — 40–45. Это говорит о прозрачности воздуха. Берег кажется от нас метрах в 200–300, а оказывается до него более двух километров. На противоположной стороне от берега прикрывает залив безымянный остров, он кажется узким и длинным. На берегу, где расположены дома, потом оказалось озеро пресной воды. Кроме него имелось и так называемое полусолёное озеро, которое было использовано для разгрузки леса. Прошло ещё около двух часов. Моторная шлюпка ещё отвезла на берег человек 10. Видно, как вода и шлифованная галька затрудняют движение людей. Солнце, не скрываясь за сопки, стало медленно подниматься вверх, ночи не было совсем. Со временем у нас всё время нелады — большая разница во времени с Москвой — там 12 часов ночи, а здесь 9 часов утра. Ложимся спать двадцать девятую ночь. Что-то грядущий день нам готовит?

Наступил второй день нашего пребывания в Чаунской бухте. Получили пайку и горячий завтрак. Сидим и ждём. Получаем обед, вновь ждём. Через час приходит откуда-то шаланда с катером. Наконец, начинается погрузка заключённых из большого трюма. Первая партия уходит, за ней следующая. Из иллюминатора видно, как охранники считают заключённых, и, когда их набралось человек 400–500, колонна пошла в правую сторону посёлка, с трудом стала подниматься в гору и за поворотом скрывается. В последующем стало известно, что километрах в 10–12 расположен рудник Валькумей.

Приказано нам быть наготове. Мы готовы со вчерашнего дня. Со второй или третьей партией я покидаю трюм, не без благодарности команде судна. В шаланде, в отличие от корабля, качка была заметной. Подвозя к берегу, нас торопят — скорее, быстрее разгружайтесь. Люди прыгают, и кое-кто попадает в воду. Попал в воду и я с чемоданом, но только набрал воды в сапоги. Вода мне показалась ледяной. Мокрому и по мокрой гальке идти трудно — нужна сноровка. День был тёплый, и мы стали сушиться на берегу, портянки вскоре высохли.

К нашему удивлению, нашу колонну в сопки не повели, а оставили ночевать за проволочным ограждением около палатки недалеко от пресного озера. В зону палатки входить не разрешили. Тут разошлась охрана, и мы остались наедине с озером, впервые за длительное время почувствовав некоторую свободу. По группам мы начали выбирать наиболее сухие места с какой-либо растительностью и начали размещать на выбранном месте свой небогатый скарб.

Тут на свете мы посмотрели друг на друга, некоторые заглянули на себя в воду, какие мы обросшие, бородатые, грязные. Начали мы отмываться. А некоторые, найдя железяку, банку из-под консервов, стекло от разбитых бутылок, начали свои обломки и осколки точить, с тем чтобы побриться. Кому это удавалось, начали превращаться в парикмахеров. Клиенты ощущали при этом боль лица и неистово ругались. Многие мыли портянки, платки и прочее, у кого было мыло. Сушили тут же на камнях.

Ужина мы не получили. Незаметно солнце ушло за сопки — это был сигнал — начинается ночь, пора спать. Кто-то получил информацию с судна «Сахалин», что там осталось несколько сот человек, чтобы разбирать спальные ярусы в большом трюме. Лес рассортировывали и связывали в пачки для механической выгрузки. Нас обескуражило, что в трюме было найдено несколько

трупов заключённых. И, наконец, обнаружили пролом в одной стене, через который украдено много галет, печенья и прочих сладостей. Конечно, это дело рук урок.

Наконец, завтра нас отправят на прииск «Красноармейский», это примерно в ста километрах от Певека. На судне идёт выгрузка техники, материалов, продовольствия и одежды для охраны и для нас. Информация была неприятная, особенно о трупах в трюме и о краже. Охрана может «отыграться» за это на нас. Не спалось при свете солнца, информация нас взбудоражила, да и «гостиница» наша была не особенно приспособлена для сна, хотя ночь была на редкость тёплая.

Начался третий день, как мы находились на территории Чукотского национального автономного округа, в Чаунском районе, центр которого был здесь, в посёлке Певек.

Утром кто-то попробовал воду в заливе рукой и ему пришлось в голову покупаться, хотя мы видели, что в воде плавают льдины. Нашлись последователи, в том числе и я, и каждый вылезавший говорил: «Эх, хорошо!». Когда я бросился в воду, она меня обожгла своим холодом, особенно холодно было ногам в низких слоях воды. Но охотников купаться оказалось человек 10–15 из всей колонны заключённых, у меня было чувство, что я посвежел и получил какое-то облегчение, но я боялся получить воспаление лёгких или ещё что-нибудь.

С борта «Сахалина» мы получили завтрак и обед, после чего нас начали выстраивать в колонну. Охранник предупредил, что вещи нужно принести на сани с трактором, которые будут сопровождать нас. Конечно, нести вещи 100 километров было невозможно. Построили нас в колонну по четыре человека и, после предупреждения — шаг влево, шаг вправо, и охрана без предупреждения будет стрелять, — тронулись в путь.

Небывалый поход (охрана — убийцы)

Читатель, ты ждёшь в моём рассказе бушующей пурги. Будь терпеливым и мудрым. Мы сделали шестнадцать тысяч километров. Разве вы не чувствовали наступающей пурги? Я не знаю ни одной чукотской пурги, которая обошлась бы без человеческих жертв. Зато я знаю, у постоянных жителей Чукотки — чукчей за несколько лет не было ни одного замёрзшего человека. Разрешите мне продолжать описывать наступающую пургу в жизни заключённого.

Мы выступаем, по словам заключённых (правда, они не всегда правдоподобны), в стокилометровый переход вглубь Чукотки.

Колонна заключённых вышла в яркую цветущую, но без запахов чукотскую весну. Такая погода располагает к хорошему настроению. Только вот неизвестность, куда ведут, какой путь, какое расстояние, какие условия перехода, несколько портила расположение духа. Заключённые были арестованы в разное время года и были одеты очень по-разному. Я был в кожаных сапогах и потрёпанном кожаном пальто и в военной фуражке. Некоторые были в ботинках, а иные — в тапочках. Охрана и начальник этапа с заключёнными не разговаривали, как воды в рот набрали. Одно выражение — шаг вправо, шаг влево, стреляем без предупреждения — это они каждый раз напоминали. На любые вопросы они угрожающе выкрикивали: «Разговорчики!». Они гнали нас как баранов или оленей. Пошли...

Если первая колонна пошла в сопки вправо, то мы повернули влево. Шли вдоль Чаунской губы и примерно через километр круто повернули в гору. Шли расщелиной, очевидно, без привычки быстро задохнулись. Позже я узнал, что на Чукотке на 16% меньше кислорода, чем на материке. Дороги никакой не было. Увлечённые подъёмом, никто не заметил, что солнце скрылось, подул со стороны окружающей тундры сырой, прохладный ветерок. Погода всё портилась, ухудшалось бездорожье. Вскоре мы вступили в кочковатую тундру; чем дальше мы шли, тем ямы вокруг кочек становились всё глубже, кочки были окружены водой.

Поднимаясь в гору, мы нагрелись и вспотели, теперь шли напряжённо, чувствовали холод. Идёт мрачная колонна около ста двадцати рядов по четыре, будто сопровождаем гроб дорогого товарища, без дороги. Идём без отдыха уже часа три, начался сильный холодный дождь и северный ветер. Кругом не видно ни одного деревца или кустарника, только низкие цветы, жалко прижавшиеся к земле. Что ещё запомнилось: с каждого возвышения из-под ног заключённых вылетали утки. Также и из-под ног охраны, идущей цепочкой справа и слева. Замыкали колонну два или три человека охраны.

Всматриваюсь в охрану и вижу, они выбирают себе более удобную дорогу, идут с винтовкой наперевес, несомненно, заряженной боевыми патронами. Создаётся впечатление, что они нас боятся, и от страха готовы открыть огонь, поэтому они не дают нам привала для передышки. Боятся, что мы нападём на них и разбежимся по тундре, как олени, когда они не имеют еды.

Путь становится всё тяжелее, как будто охрана специально нас вела болотом. Заключённые уже не прыгали с кочки на кочку,

и движение стало очень медленным. Дождь продолжался больше часа, все промокли до нитки. Казалось, тундра была затоплена северным дождём. Охрана шла в более выгодном положении, все они были в резиновой обуви и в брезентовых плащах с капюшонами. Начальник этапа, как будто наслаждаясь нашей усталостью, скомандовал двигаться к гряде сопки, которые шли параллельно с нашим движением. Мы надеялись, что в предгорье будет более удобная дорога. Но мы были разочарованы; единственное — здесь было меньше воды. Дождь уменьшился. Нам позволили привал на 15 минут.

Большинство заключённых повалилось на мокрую и холодную землю. Лёжа, начали они разуваться. Многие ноги подняли кверху, вынимали набухшие от воды портянки, носки, одежду. Моя кожанка промокла, и я её вывернул подкладкой кверху. Через несколько минут пешеходы стали чувствовать, что они начинают замерзать. Вечная мерзлота почвы и северный ветер дали о себе знать.

Послышалась команда начальника этапа: «Подымайся! Строиться в колонну! — и через две-три минуты: — Шагом марш!». Заключённые вставали, не спеша. Дождь ещё мочил, пронизывал холодный ветер, все мокрые после многочасовой ходьбы по тундре, похожей на болото. Мышцы как будто сковало холодом, не давали двигаться. Колонна медленно шла по склону сопки. Путь был тяжёлый: здесь своеобразная почва, это не глина, но очень скользкая, иногда она сменялась на каменистую или покрытую растительностью, как ворс, но очень скользкий. Идти приходилось всё время с напряжением. Иногда нужно было обходить прошлогодние оползни с гор, которые представляли собою большие бугры, уходящие в тундру. Шли очень медленно. Хорошо, что погода переменялась — закончился дождь, стало теплее и опять похоже на весну.

Но нам всё равно не везёт: подошли к речке, которая образовалась от дождя. Начальник этапа поднял свои резиновые сапоги, перешёл и дал команду: «Переходи!». Волей или неволей пришлось идти. Вода была ледяная. Перебежав речку, все бегом пробежали метров 40–50 и стали снимать обувь, выливать из неё воду, выжимать портянки. Колонна снова пошла, впереди была высокая сопка и вдали на горе виднелась «деревня». Мы надеялись, что вот тут кончатся наш мучения на сегодня. Люди очень устали. В хвосте колонны образовалась группа отстающих — они через ряды заключённых умоляли идти тише, хотя колонна шла очень медленно. В распадках между гор мы видели глыбы или поля снега.

Вновь вышли в тундру, начался густой «лес»: карликовые берёзы, ива, какие-то другие породы, но я их не знаю. Высота леса не превышала одного метра. Идти было как будто бы легче, но большинство заключённых спотыкались и падали на землю или, споткнувшись, падали на впереди идущего. Оказалось, что между деревьями протягивались длинные — по полметра — корневища, из которых росли ветки, отсюда то и дело выскакивали зайцы и бежали в горы. Озадачил нас другого вида зверь, похожий и на собаку и на лисицу. Он был серого цвета с шерстью, как бы разной длины свисали клоки старой шерсти. Это был песец в летнем одеянии, он был не очень пуглив и вроде бы удивлён появлением такого количества калек. Красив он бывает в зимней белой одежде. Сопка приближается и поражает своей высотой. Чем ближе подходим к «деревне», тем становится виднее, что это не дома, а нагромождения камней, больших кубических глыб, иногда стоящих на других камнях, как на колоннах. Всё больше мы думаем, как будем подниматься на сопку. Надежды на ночёвку в деревне рухнули, теперь ждём, не появится ли распадок.

Арестанты шли всё медленнее и медленнее. Сзади показались два трактора, везущие двое саней. Они оказались проворнее нас — догнали и перегнали. На сопку одни сани тащили два трактора.

Вдруг охранники открыли огонь над нами. Это было так неожиданно и так нелепо. Казалось, что выстрелами они гнали нас на сопку, крича: «Вперёд!». Оказалось, что двое слабых арестантов не могли больше идти, и охранники их пристрелили, а нам кричали: «Вперёд! Вперёд! Не оборачиваться!». Мы сначала не могли даже и предположить, что русские люди могут убить измученных людей, которые не могли дальше идти.

Я шёл примерно в двадцатом ряду впереди. Сзади передавали — двух убили, двух застрелили и слова протеста. Мы, влезая на крутую сопку, поглядывали назад. Там были четыре человека и между ними, как два куля, умирающие. То и дело слышалось: «Убийцы! — И повторяли, кто вслух, кто про себя: — Убийцы!». Внутри всё клокотало. Хотелось протестовать. Думалось, где же гуманность? Так не поступают даже с врагом, безоружным, усталым и замученным. Этот человек осуждён, правильно или под влиянием культа личности, но он получил своё наказание, свой максимум. Но кто дал право творить в нашем государстве самосуд? Сейчас миллионы отдают свою жизнь на фронте, они идут под огонь, не щадя жизни, потому что это нужно для Родины. А здесь что?! Это наш русский своеобразный фашизм. Так, вы-

бываясь из сил, лезли на гору под винтовками этих фашистов. Так думалось тогда.

Всё-таки колонна перевалила через гору. Перед нами открылась целая страна сопок, частично белых, покрытых льдом и снегом, частично коричневого и чёрного цвета. Когда перешли перевал, команда: «Стой! Ложись! Можно опраться!»). Моментально колонна свалилась на землю, благо, что она была сухая и выглядывало солнце, но с гор дул холодный ветер. Всех волновало убийство наших товарищей, все были возмущены. Слышу сзади украинский говор: «Душегубы проклятые, душегубы...».

Между нашей сопкой и следующей была опять река. Эта бурлящая вода нас пугала.

Два трактора, перетаскивая одни сани, возвращались за вторыми. Нас подняли, и колонна двинулась с горы к бурлящей реке. Усталым людям идти было тяжело. Шли медленно, но быстрее, чем поднимались. И вот мы перед бушующей рекой.

Начальник этапа с ротным-заключённым пошли искать место перехода. Нашли перекат, где им показалось неглубоко, и дали команду двигаться к гребню переката. Я на ходу снял пальто и начал раздеваться до белья и носков включительно. Сапоги и одежду завязал в кожанку. Некоторые последовали моему примеру. Мы начали переход по камням, но всё-таки искупались погрудки. Но одежда, сапоги, портянки остались сухими. За нами следовала цепочка заключённых. Вылезая из ледяной воды, мы бегом бежали от места переправы и одевались. Я и многие другие оказались в сухой одежде. Но немало заключённых шли в воду в одежде. Пока я одевался, перешло более половины нашей колонны. Казалось, переправа идёт благополучно. При переправе требовалось идти, помогая друг другу. Иначе в некоторых местах вода могла снести, а попав в падающую массу воды, с ней уже было не справиться.

Более половины охраны переправлялись на санях за трактором. Дело шло к концу. Все думали о последствиях этой переправы для себя. На том берегу оставалась небольшая группа, и вдруг один заключённый, видимо, основательно уставший, сорвался в пучину бурлящей воды. Его стремительно понесло вниз. Двое охранников побежали за ним. Заключённые побежали было помочь утопающему, но охрана завернула и погнала нас переходить нашу очередную сопку. Несколько человек из охраны наблюдали за остатками заключённых, которые переходили реку. Перешедшие только что речку пытались нас догнать, но не могли. Колонна

наша растянулась. Новое несчастье с заключённым было тягостно нам. Но вот раздался винтовочный выстрел, за ним, через минуту, второй. Опять жертвы, мы, к сожалению, не знаем, кто они. Мы в данном составе всего несколько дней.

Голова колонны вступила на вершину сопки, охрана нас задержала, на этот раз более чем на полчаса. Половина нашей охраны подвезена на тракторных санях. Прибыли и бойцы, «похоронившие» утопленника, а скорее всего — утопленник достиг Восточно-Сибирского моря, которое отсюда в нескольких десятках километров. Когда нет дождей, речки здесь проходимы почти повсюду, но они страшны после дождей. Зимой они все промерзают до дна. Тут и с погодой так, что нельзя поручиться, какая она будет в течение дня ни летом, ни зимой. Летом можно наблюдать в течение одного дня все четыре времени года.

С вершины горы мы ещё сделали несколько километров, и был объявлен большой привал. Мы шли по тундре, по горам и рекам больше пятнадцати часов и прошли, говорят, полпути.

Нам разрешили развести костры, используя местный горючий материал. Мы не заметили в походе ни вечера, ни ночи, круглые сутки был день. Было трудно с топливом, и мы, вероятно, около квадратного километра уничтожили карликового «леса», с тем чтобы просушиться и устроить себе коллективные лежа для сна. Здесь нам дали по куску хлеба, полбанки свиных консервов и два кусочка сахара каждому.

Основная задача для всех — это высушить одежду. У меня была мокрая пара белья и носки, я их дорогой почти высушил. Около огня я их подсушивал, так что я не задержался у костра — это было узкое место на этом привале. Вторая задача — скорее спать. Ведь мы сделали большой переход и столько волнений и впечатлений в стране, о которой мы не имеем представления. Спали мы группами человек по двадцать, прижавшись друг к другу. Но не все хорошо спали эту ночь. Было трудно, особенно не имевшим опыта спать на улице, да ещё на земле вечной мерзлоты, которая к этому времени отошла сантиметров на тридцать пять. А потом, хвороста недостаточно. Наконец, не все просушились досуха. Некоторые просто не умели приспособиться к такому ночлегу.

Настал второй день нашего мучительного похода. Меня усиленно будили товарищи. Я, сидя, не мог сообразить, где я и что от меня хотят. Как будто я только лёг, только заснул, а меня будят. Потом я почувствовал, что нестерпимо болит спина, что позвоноч-

ник мне не подчиняется, болели ноги и руки. Постепенно я понимаю, где я, вспоминаю вчерашний день. Я понимаю, что от меня хотят — встать и готовиться идти, идти. Я струхнул, что я тяжело больной. Пробую встать, это мне плохо удаётся, но встал. Ножные мышцы все травмированы, и я не в состоянии двигаться. Начинаю учиться ходить — шаг, два, чуть иду, прихрамывая. Мне предлагают еду. Оказывается, ночью прибыла полевая кухня, приготовили какую-то кашу, выдали по две-три галеты, два кусочка сахара и кипяток — всё это принесли мне товарищи. Большинство заключённых чувствуют себя не лучше меня. Съел кашу, выпил банку горячей воды, две галетины и кусок сахара в резерв: как будут кормить впереди, неизвестно. Только немного перекусив и сделав десяток шагов, я всмотрелся в окружающее и заметил, как удивительны были утренняя свежесть и прозрачность воздуха. Зелень разливалась повсюду на ближайших сопках и «ночная» роса на ближайших травинках, как слёзы матери по вчерашним усопшим сыновьям. Так сидел я, боясь шелохнуться, чтобы не рассыпаться. Издали слышалась знакомая команда: «В колонну по четыре становись!». Как эта колонна не похожа на вчерашнюю, когда строились в Певеке.

Оказывается, пока мы спали, уменьшили количество охраны, остался начальник этапа. Не было сказано «шаг влево или вправо...». Вначале пошли очень медленно. День нам помогал, не было дождя, тучи высоко, солнце изредка выглядывает из-за них. Не было в тундре кочек, окружённых водой. Карликовый лес сопровождал отдельными местами. Пока не слышно было винтовочных выстрелов. Лагерный поэт наскоро экспромтом сочинил не очень складные строчки: *Пошли... / Голодные и истерзанные, / Под страхом быть расстрелянными. / Идут усталые и голодные заключённые / По нетореной чукотской тундре, / С утра до светлой ноченьки, / Около пятисот горемычных, / Под охраной людей, готовых / Стрелять по измученным людям.*

Через каждые пять километров устраивался привал, позволяли идти не так скученно. Речки сегодня не были столь свирепыми, как вчера. Дороги по-прежнему не было, шли по склонам сопки, не забираясь высоко. Километров через 25–30 дали большой привал и покормили обедом. У меня с утра ещё осталась одна галета. Дали часа два отдохнуть. Организация похода была не похожа на первый день, но поход был всё равно трудный. Часов через пять мы пришли к месту, где будет прииск. Так закончился наш бесславный поход, он ещё скажется на сотнях людей.

Рождение прииска

После двухмесячного этапирования Москва — Чаунская губа колонна заключённых около пятисот человек прибыла, наконец, на конечный пункт. Собственно, прииска ещё не было. Было несколько неказистых домиков, очевидно, для администрации будущего прииска и охраны. Создать прииск должна была колонна заключённых. Для заключённых начали строить лагерь, была уже проходная. От неё протянуто несколько метров колючей проволоки. Тут же были три, не оконченные строительством, барака. Колонна пришла вечером, хотя собственно вечера не было. Нам казалось, что мы можем только свалиться и спать. Все пришедшие получили по куску свежего хлеба и свалились — так все устали. Около сотни заключённых не были счастливыми и остались на улице. Мы устраивались, подбирая всякий строительный хлам, и ложились — не держали ноги. Так и уснули около бараков под открытым, кажется, пасмурным небом, в их числе был и я.

Проснулся я от холода, был на улице день, большинство заключённых ещё спали, как мёртвые. Я почувствовал боль во всём теле. Проснувшиеся кричали, охали, кто-то из них ругался вслух. Прииск ждал рабочих рук, долина, куда прибыли, была совсем дикая. Казалось, что прибывших нужно лечить не один месяц. Я обнаружил, что мои ноги превратились в тумбы, особенно распухли обе ступни — такого я никогда не видел. Встать на ноги было почти невозможно. Некоторые не могли встать, у них была высокая температура, началось воспаление лёгких, рожистые воспаления. Люди простыли ещё больше от неподвижности, им казалось, что они живут последний день и всё больше коченеют.

Вот вам июль месяц. День был мрачным и унылым, я перевязал свои ноги в тряпки, привязал портянки, как тапочки. С обеих сторон нашего полумёртвого лагеря маячили охранники с винтовками в руках. Я попытался встать на ноги, но почувствовал нестерпимую боль в ступнях. Понимая, что в данных условиях надеяться на медиков нельзя, со скрежетом зубов делаю первые шаги, нахожу в мусоре что-то вроде палки, делаю шаг за шагом. Знакомлюсь с окружающей местностью. Оказывается, пока спали, трактор подвёз сани с лесом и досками. Метрах в ста обозначился склад с металлическими деталями, ящиками большими и маленькими. Через некоторое время появился охранник и подал команду: «Подъём!». И сразу же отобрал человек десять и приказал идти к саням и их разгрузить от леса и досок. Каждого отобранного он

записал, и они пошли разгружать, кряхтя и разминаясь. Он пошёл им вслед и давал какие-то указания по разгрузке. Примерно через час заключённые закончили работу у саней, им отдельно дали хлеба и консервы.

Приказано всем построиться по четыре. Произведена списочная проверка и тут же назначены бригадиры из заключённых-уголовников и начато формирование бригад, примерно по пятьдесят человек. Определены объекты строительства каждой бригаде. Наша бригада отведена к месту работ, выдана полотняная палатка, выделен лес. Строили её вне зоны лагеря. Другие бригады должны были строить кухню, медпункт. Определены бригады и на каждый барак.

В подходящий момент я подошёл к бригадиру и показал ему свои ноги. Он не блистал хорошим отношением к членам своей бригады, а меня выслушал с пониманием моего положения. Через час он принёс мне ботинки, сказав, что это самые большие, а размера больше этих ботинок нет. Паёк раздавали в сухом виде, опять кусок хлеба, немного мясных консервов. Тут же разжигали костры, кипятили в банках воду и закусывали. Я прилаживал ботинки к своим ногам. Надел свои ботинки-гиганты с самой тонкой портянкой. Так я с ними мучился больше месяца.

После завтрака пришёл человек в гражданской одежде, оказалось, он прораб, и каждой бригаде дал задание на работу. Мы строили свою палатку, где предусматривалась железная печка, сделанная из бочки с приспособленными тяжёлыми железными трубами. Делалась настилка пола торфом, а торф нужно было с большой силой оторвать от вечной мерзлоты, принести за сто метров, уложить, утрамбовать, поставить печку и трубу, поставить каркас — конусообразную палатку, построить нары, покрыть этот каркас, сделать низ так, чтобы не поддувал ветер. Для нас — полубольных рабочих, не плотников и не специалистов — сорока человек — это заняло 12–14 часов труда. В этой палатке мы прожили больше года, в том числе и в полярную ночь. Палатка была рассчитана на 25 спальных мест, а жили в ней человек 50. Спали мы по очереди, рабочий день был 12 часов: одни спали, другие работали. Зимой палатку заносило снегом метра на 2–3. В палатке было относительно тепло, когда топилась беспрерывно печь, но топилась она далеко не постоянно.

На другой день нашего пребывания на прииске нас разбудили в 5 часов утра. Наш бригадир разбил нас по списку на две смены, я попал в первую смену — «дневную», эта смена пойдёт на рабо-

ту за три километра от лагерного пункта. Через неделю бригады будут меняться сменами. Работать будем от 7 утра до 7 вечера. Затем, мы должны были выбрать двух человек, которые будут получать хлеб и завтрак. Объявили, что, кто больной, в первом бараке принимают больных. Кто не получит освобождения, тот идёт на развод, который будет проходить в зоне лагеря. В 7 часов мы должны выйти на работу.

Больные бросились к выходу, в том числе и я — к лекпому.

Я торопился и шёл шагов около ста, как мог. Там была очередь не меньше ста человек, и сбились все в кучу. Я занял очередь к лекпому и поковылял обратно в палатку. Там я получил сухого хлеба, говорят 800 грамм и два с половиной кусочка сахара — дневная норма, и опять «побежал» к лекпому. Очередь не уменьшилась; говорят, больше не принимает. Кое-как успел вернуться, съесть суп и невкусную подгорелую кашу, как «ротный» — так называли бригадира — объявил: всем в зону, строиться побригадно в колонну.

Здесь в зоне лагеря нас разделили: кто идёт на горные работы, кто остаётся работать в зоне лагеря. Нам выдали лопаты и кайло. Построили. Проверили по фамилиям. Пересчитали. У «ворот», которых ещё не было, сдали нас по счёту шести охранникам. Опять предупредили — «шаг вправо, шаг влево, и охрана стреляет без предупреждения!».

Шло неизвестно сколько человек, но больше ста. Я шёл с невероятными болями в ступнях. Хотелось лечь, но это значило — быть пристреленным. И я шёл в ногу с товарищами, как положено заключённым. Шёл и думал: сейчас нелегко нашим друзьям на фронте Отечественной войны. Быть раненым и умереть на войне — это одно, а умереть здесь — за полярным кругом — во имя чего? Проведённая ночь была тоже страданием. В палатке, где можно спать 25-ти человекам, спало 46. Всю ночь болели ноги — во имя чего всё это? Мы идём строить прииск, верю, что он нужен. Но никто не сказал ободряющего слова, никто не сказал, что это ради победы в войне, ради строящегося социализма.

С нами идёт наш бригадир — безграмотный уголовник. Среди нас есть грамотные инженеры и другие специалисты, которые помогали строить социализм. Куда нас ведут, какую работу делать, ничего никто не знает. Шли около часа, потом нас разделили на две группы. Одна группа ушла. К нам подошёл человек в штатском и сказал: вот эту горку нужно спустить вниз и выровнять площадку длиной 40 и шириной от 10 до 50 метров, глубиной до

трёх метров. Сказал это он не нам, а двум бригадирам. Хорошо, что не сказал — убрать гору грунта — вечной мерзлоты. Бригадиры с одной стороны поставили одну бригаду, с другой стороны — вторую. С первыми девятью сантиметрами глубины мы справились примерно за час. Я работал кайлом. А потом кайлить становилось все труднее и труднее. Это начиналась вечная мерзлота, и мы получили первый урок, что природа здесь без «боя» не сдаётся. Мы трудились что есть силы. Охрана наблюдала, и как видела, что кто-то переставал долбить, на того наставляли винтовку. Уголовники, уже бывшие в лагерях, работали «с умом».

Так начал зарождаться прииск. Конечно, я понимал, что работу, которую мы делаем, надо делать. Другие считали, что нас тут «занимают» деятельностью, чтобы — как говорили, — угробить, и поэтому осуждали тех, кто работал честно. Несомненно, здесь уже проделана большая работа: многолетние поиски, предварительная разведка района, установление запасов полезных ископаемых и их промышленных запасов. На основе разведанных данных составлялся технический проект прииска, а также хозяйственных и жилищных сооружений на поверхности. Сейчас начинают его осуществлять. Не знал я, конечно, что тут будут добывать, грамотно ли сделан и осуществляется технический проект. Сейчас мне известно, что проводилась первая разработка месторождения касситерита, который содержит необходимое стране олово.

То, что мы ничего не знали, — это первая ошибка руководителей прииска. Они нам не доверяли и очень много теряли в производительности труда. Заключение, как в старое царское время, шли с работы низко повесив головы, не зная, что их ждёт впереди. Придя в зону, я в первую очередь пошёл к лекпому. У него ещё не было постоянного места приёма. У него уже полный приём и я не попал к нему, как и утром. Как заведено, в установленное время была проверка. Такой же ужин, как и завтрак. Мы слишком устали и хотели спать. Подъём будет в 5 часов утра, и вновь на работу. Сегодня спали в палатке 24 человека, но боли в ногах, как и у других, не давали спать, не давали покоя.

Третий раз я пошёл к лекпому, подошла долгожданная очередь, лекпом был одет в лагерную фуфайку, спросил фамилию, по какой статье осуждён. Я ответил: никакой статьи у меня нет. Тогда он сказал: «Контрик!». Я молча показываю ему сплошную опухоль на ноге, пытаюсь развернуть другую ногу. Он не стал смот-

реть на вторую ногу, зашипел: «На работу!». Оказывается, почти все больные политические не получали медицинской помощи.

Так прошло две недели, и свалилась на нас новая дополнительная беда. Пустую породу надо было отвозить метров за 200. Привезли тачки. Ещё декабристы страдали от неправильно построенных тачек. Тачка может быть хорошим средством для транспортировки пустой породы. Но тачки, привезённые нам и в другие бригады, — это несчастье для нас, для строительного коллектива, для прииска, для государства. Она сделана из тяжёлого материала, её трудно возить даже пустую, это непроездительная тяжёлая работа. Нашу тачку делал не вредитель, а, как и для декабристов, просто не специалист делать тачки, которому никогда не работать на ней, а, скорее всего, — заключённый, кое-как владеющий топором и пилой без участия техника или инженера. Колесо в тачке должно быть расположено так, чтобы центр симметрии совпадал с центром тяжести.

Парадокс: инженеры, крупные специалисты, строители, которые построили не одно первоклассное современное промышленное предприятие, как Дородницкий А.М., Кисчевский Лазарь и другие, должны были свои силы тратить при строительстве горного предприятия, пользуясь «инструментом» — тачкой-уродом. Через несколько минут им прикажут на этом браке производства изматывать напрасно свои силы; трагедия ещё в том, что об этом браке некому сказать. Бригадиру? Он в производстве ничего не понимает и по своей неграмотности не сможет объяснить ничего своему ротному. Возят породу квалифицированные инженеры, выбиваясь из сил, чувствуя отчаяние и безысходность своего положения, и говорит: «Мир этот создан не мною. / Мне страшно в нём — / Я здесь чужой». Строки эти взяты из поэмы английского поэта Томаса С. Элиота «Опустошённая земля». Это настроение нам навеивает желание, чтобы скорее проходил август. Старожилы говорят, с началом его приходит мороз и снег, и даже заносы. Мы надеемся получить передышку, а, главное, — климат освободит нас от тачек. Но бог тоже против нас — август в этом году был наиболее тёплым месяцем при отсутствии дождей.

С каждой неделей заключённые всё более концентрируются на разработке месторождения олова. Но людские кадры используются весьма нерационально. Винтовка не так всемогуща, как её прославляют китайцы и кое-кто из наших руководителей. Я продолжаю страдать с опухшими ногами, я стараюсь ходить по-всякому — и как балерина на пальцах, то медленно, то часто

шевелия ногами, но опухоль никак не уменьшается. Я пробовал говорить и показывать свои ноги бригадиру, он как будто понимает и разделяет моё несчастье, но, говоря, что ничем не может помочь, рекомендует ещё раз сходить в медпункт.

Смертность начинает посещать наш лагерь. Умирают получившие воспаление лёгких, умирают молодые, не втянувшиеся в работу. Сказывается всё ещё переход наш Певек — прииск. Сказывается изнурительный труд: 12 часов работы и плюс 2 часа ходьбы туда и обратно. Сказывается акклиматизация. Говорят, что за Северным Полярным кругом количество кислорода в атмосфере чуть ли не на 16% меньше по сравнению с привычными широтами. Начинает действовать цинга — плохо нас очень кормят. Часто меняется атмосферное давление. Плохо действует настроение, отсутствие годами информации, переписки с семьёй, исключительно плохое отношение к нам охраны. Против нас всё. Отсутствие бани — я не мылся больше месяца с Хабаровска, где встретил человеческое отношение к себе.

Наконец, мне улыбнулась фортуна. В конце августа бригадир послал меня на кухню за одолженным им инструментом. Меня встретил повар, встретил приветливо и сказал: «Приветствую, Яков Матвеевич». Я очень удивился, откуда повар знает моё имя. Видимо, он заметил моё смущение и объяснил, что узнал меня, когда мы плыли ещё на пароходе «Сахалин», но не имел возможности поговорить со мной. Далее он сказал: «Вы были у нас на подводной лодке и с нами плавали несколько дней, испытывая какую-то торпеду. Я был тогда мичманом, а Вы — генерал, и сопровождало Вас высокое начальство флота». Я рад был встретиться с поваром-мичманом с Балтики. Он извинился, что не может ничем угостить, и добавил, что у него есть несколько коробочек чёрного перца, одну он может выделить. Правда, я не особенно обрадовался. Я его упрекнул за плохие обеды. Он ответил, что тут не только неумение готовить. Должны обеды давать охране, не дежурящим по зоне, должны выделить получше администрации из заключённых: ротным, медработникам, крупным уголовникам. Иначе... У меня было ограничено со временем, я должен был идти, инструмент унесли раньше. Всё же перец он мне сунул. Мне эту коробочку нельзя было показывать. Перед обедом и ужином я отсыпал немного перца в бумажечку, из бумажечки — в суп. Безвкусный суп с перцем был вкуснее. Так я использовал перец два-три дня и заметил, что ноги теряют опухоль. Ещё через день-два ноги пришли в норму и перестали болеть. Я невольно стал вспоминать всё,

что знал о перце, что родина его Индия, Цейлон, Ява, Суматра. В СССР перец культивируют как пряное растение, что он влияет на сердце. Но что перец поможет моим ногам, я никогда не предполагал. Верно говорят — век живи, век учись...

Я об этом рассказал многим, в том числе моему начальству — бригадиру, так я был этим фактом обрадован. Я верил, что будет улучшение и старался поддерживать это настроение у своих товарищей. Я рекомендовал им не распускаться. Наступил, наконец, сентябрь, начались холодные ветры, в нашей палатке было всё холоднее. Правда, мы собирали все щепочки и несли их припрятывая: пока топили, было теплее, но как вставать — было страшно. В это время мы приступили к нарезке или вскрытию оловянной руды с соответствующими деревянными креплениями для выхода и вывоза в будущем этой руды, для промывки и добычи касситерита. Где-то недалеко от отвала должен был строиться по проекту строителей промприбор. Мои товарищи по звену сменились уже несколько раз. В первом составе были: я, Власов — белорус, лётчик; Короленко — украинец, подполковник, танкист, командир полка. Все они выбыли из-за переутомления и полученных травм. Их заменили, и состав звена сменился дважды. Я чувствовал себя измождённым. Двигался, работал только силой воли. Всё чаще кружилась голова, болели спина, руки, ноги. Но одновременно я понимал, что медпункт мне не поможет.

В сентябре я всё-таки пошёл в медпункт вновь. Там был уже новый лекпом, более внимательный, не такой хам, как прежний. Он внимательно посмотрел, послушал и сказал: у вас критическое переутомление, ничего не дал и не посоветовал, только сказал: я вас от работы освободить не имею права. В октябре началась сильная пурга, но нас гоняли на работу. Я полагал, что в пути я замёрзну или меня подстрелят, как тут делали, только не как куропатку, которых было очень много. Только помощь товарищей спасла меня от подобной участи.

После пурги настал воскресный день — нам полагался воскресный день отдыха. Он выдался тихий и относительно тёплый. Но нас выгнали заготавливать хворост и носить его по заснеженной долине не менее километра от речки до лагеря. Южный берег речки был закрыт небольшой высоткой, вот там он рос летом более интенсивно. Но его основательно занесло снегом. Хворост нужно было откопать и наломать, а инструменты — лопаты и топоры — не дали, добывать его было трудно. Выгнали на работу всех больных, которые были освобождены лекпомом. С топливом

положение было нелёгкое, говорят, в Певеке его было достаточно, а привезти его на прииск — затруднительно. Его привозили, но не для нас, а для отопления небольшого посёлка, где жили вольнонаёмные, и отпускали для кухни и медпункта, остальные были на самообслуживании, и, если охрана замечала, что заключённые несут топливо, то его отбирали. Нужно было нести топливо, чтобы его не заметили. Некоторые заключённые уголовники ухитрялись кирпичи или пористый камень на день или больше класть в керосин или бензин, приносили в бараки, и пары из этих камней горели несколько часов, этим обогревались десятки людей.

Это был период, когда у нас не было топлива, и заключённые, понимая это, пошли на заготовку хвороста. По глубокому снегу некоторые шли с трудом. Первые несколько часов заключённые таскали хворост к проходной за лагерем, где день и ночь были охранники и хворост был на виду. Больным и прочим не разрешали отдыхать, каждый должен был двигаться. Некоторые стали двигаться медленно, вот один охранник решил «подбодрить» таких и выстрелил в одного заключённого, смертельно ранил его, и он в тот же день скончался. После выстрела многие заключённые легли и этим выражали своё возмущение. Вскоре заключённых загнали в зону. Все заключённые потеряли веру в охранников, убедившись, что их участь может быть такой же, как у унесённого в холодную могилу, и даже не удостоятся быть похороненными в гробу. Я тоже мог удостоиться этой участи, но товарищи и даже уголовники мне всячески помогали и прикрывали.

Через день самых слабых выделили из горных работ и поставили на переноску заготовленного ещё в тёплое время торфа к зоне. Эта работа была сравнительно не тяжёлая. Был организован большой круг носильщиков торфа, каждый брал два-три куса и шёл с ними. В центре был поставлен охранник с винтовкой — все были у него на виду. Так мы ходили, как рабы, едва таская ноги. Через несколько дней я шёл всё медленнее и всё время ожидал, что вот стрелок-охранник в меня выстрелит. Я мысленно был готов умереть... Но стрелок не стрелял. Идя с маленьким куском торфа, я упал без сознания.

Я очнулся на топчане медпункта. И тут же уснул. Спал я несколько дней, не просыпаясь. Товарищи терпеливо меня будили для принятия пищи. Я что-то съедал, запивал и сейчас же засыпал. Так продолжалось с неделю или чуть больше. Когда пришёл в себя — очевидно, отоспался, — я увидел больших, которые за-

ботливо за мной ухаживали. Если бы не их уход, я был бы мёртв. Я понял это, и был им очень благодарен. В медпункте было человек десять. Рядом со мной на топчане лежал с рожистым воспалением подполковник Романов. Из разговоров с ним я узнал, что он был нашим разведчиком во Франции. Он работал там шофёром, прекрасно знал Францию и особенно Париж. Он был прекрасный человек, коммунист. Когда я начал соображать и прошла у меня мания умирания, он мне много рассказывал.

С утра, как только заканчивались какие-то процедуры, в том числе наше кормление, мой товарищ Романов говорил мне, куда мы сегодня поедем. «Вы, конечно, остановились в гостинице “Пари Гранд отель”», и далее он рассказывал историю Парижа, историю его магистралей, какие исторические события на них происходили. «Вот, — рассказывал Романов, — мы подъезжаем к Елисейским полям, где расположен дворец Президента Франции», — и шёл рассказ о современной политике Франции, о музеях и картинных галереях. Сам Романов так увлекался, как будто сопровождал меня на экскурсии. Своими рассказами он так увлекал нас, что мы забывали мрачную действительность. Через пару недель меня выписали, хотя за это время я ни одного врача не видел, а фельдшер-заключённый осуществлял, главным образом, административную роль. Дорогой мой товарищ Романов несомненно погиб — умер, видимо, через две-три недели. Он был жертвой беззакония, которое установилось тогда в стране. Пусть будет вечная память о разведчике Романове!

Здесь в медпункте я узнал, что наш прииск носит название или только что назван «Красноармейский», который в таких мучениях рождается на наших глазах и с нашим участием.

Продолжение следует